

—15 мая 1991 г., Москва, гостиница АН

—А перед визитом к Грише я в Москву мотался на три дня (с **23 по 26 октября**) вместе с Пятси - моим предшественником на посту замдиректора ПГИ по Мурманскому отделению. Ездили в Президиум АН и в ЦПИ АН в разведку по финансовым вопросам, общались с Мигулиным, Щорсом (чиновником из Секции прикладных проблем - распределителем средств от ВПК по научным геофизическим конторам), кучей клерков в ГФЭУ, гонявших нас из одного кабинета в другой.

—И вершиной этой нашей абсурдистской беготни был поход в ЦПИ АН - вновь созданный Центр программных исследований АН, разместившийся в дремучих недрах Института космических исследований на каком-то полуэтаже, напоминающем подвал или бомбоубежище, но расположенном не внизу, а между 7-и и 8-м, кажется, этажами.

—Комнаты там разных размеров - от 10 до 50-ти квадратных метров площадью, но все практически пустые: один стол и один или два стула, и в каждой комнате по одному деятелю сидит, а занимаются они все, как я понял, тем же, что и Щорс, - делёжкой денег, выделяемых вояками на научные программы, связанные с СОИ (или с антиСОИ, или с "нашим асимметричным ответом", на который намекал Горбачёв).

—Специально для этого Центр и был создан.

—ПГИ числился среди участников этих программ и рассчитывал получить под это дело приличную (по советским масштабам - чуть ли не самую большую) ЭВМ - ЕС-1066. На неё и заявка была подана вовремя, и машинный зал специально под неё предполагалось оборудовать, за одну только перепроектировку под этот зал целого крыла нулевого этажа нового здания ПГИ пришлось 60 000 рублей отдать.

—И вот из ЦПИ позвонили и сообщили: машина есть, можете получить, только вот гоните денежку - два миллиона с чем-то там. А мы, разумеется, рассчитывали машину получить за те деньги, которые ЦПИ выделит нам на эти работы. Об этом и приехали сюда переговоры вести.

—Нам, однако, дали понять, что это дохлый номер: вас, таких участников много, а денег мало.

—Но, простите, а каким образом Вы решаете, кому и сколько давать? Где конкурсы, эксперты, обсуждения? Мы готовы отстаивать требуемые нами суммы!

—И я, действительно, готов был отстаивать и даже таскал с собой картинку наших со Смертиным результатов по моделированию ядерных взрывов в космосе.

—Но на меня посмотрели как на с Луны свалившегося:

—Какие к чёрту конкурсы? Дяде Саше Прохорову надо десять миллионов дать? Надо. Он за меньшее делать ничего не будет. А таких институтов, как у него, у нас вон сколько - куда там ПГИ вашему. Тысяч двести вам дадим, может, на следующий год, а на большее не рассчитывайте.

—А как же ЭВМ? Мы без неё ничего сделать не сможем!

—Ищите деньги в других местах.

—И весь разговор.

—**30 октября** в Мурманске минус 6 градусов. Зима. А я отправился обратно в осень: поехал в Калининград на ноябрьские праздники, приурочив к ним командировку по нашим модельным делам.

—В Калининграде было тепло не по-ноябрьски и всё ещё шли грибы - опята (ну, эти-то в порядке вещей), польские и даже белые в обсерватории, где их регулярно выковыривал Ваня Карпов.

—**8-го ноября** мы с Серёжей и Митей ездили на мотоцикле в Берёзовку на канал, пробовали на удочки что-нибудь поймать, но - абсолютно глухо. А с утра в этот день у гаража два с половиной часа упорно занимались интересным делом - качали дырявую

шину. Причём были убеждены, что камера целая, только что проверяли.

— Оказалось, что мы её сумели пропороть, монтируя резину на обод колеса. А потом грешили на насос и нипель, пока не размонтировали колесо по новой. И уж попыхтели все втроём по очереди над насосом.

— Приезжала на праздники и Ирина, так что мы всем семейством собрались. Не считая зятя, правда, который, увы, числился в нашем семействе теперь уже только номинально. Я, правда, не оставлял надежды, что всё как-нибудь ещё образуется, зять образумится, они помиряются с Ириной, но дочь моя, похоже, настраивалась на развод, хотя и не решилась ещё окончательно.

— В Ленинграде они жили теперь порознь. Ирина - в общежитии, Дима снимал где-то комнату. Чем занимался, на что существовал - неизвестно. Точнее, известно: писал стихи, пил и трепался с приятелями, жил на родительские деньги.

— Период активной ДС-овской деятельности у него, похоже, закончился. Я, кстати, не очень в эту деятельность верил, пока мне в руки не попал экземпляр ДС-овской газеты какой-то, где фамилия Д. Ужгин фигурировала в нескольких местах.

— В октябре он появлялся в Калининграде, навещал Мишу, брал его на прогулки и компостировал мозги Сашуле, что якобы его стихи уже чуть ли не напечатаны в "Континенте", ему даже о гонораре уже сообщили, 800 долларов должен получить. И вообще он собирается в Штаты, ему предлагают место стипендиата в каком-то университете, и т.д., и т.п., ...

— Я в разговорах с Сашулей и Иринкой пытался Диму защищать - какой-никакой, а отец Миши, у них контакт хороший, на что Ирина отвечала:

— А чему он научить хорошему может?

— Ну, разглагольствовать-то он умеет...

— А примером каким будет?

— Что скажешь? Но ведь сами мы все виноваты, что он таким охломоном стал, - и родители его, и Ирина, и мы с Сашулей. Ведь после школы был юноша с благими порывами, благодаря ему ведь только и Ирина в педиатрический поступила, и тянет ведь его всё к высоким материям, поэтом себя мнит...

— И Иринку ведь любит, хоть и с фокусами, по-дурачки, но не изменяет же, других не заводит.

— Мне всё казалось, что я больше всех виноват, не воспитывал его, мало общался. А тут как раз кто-то (то ли Сашуля, то ли кто-то из его родителей, Надежда Григорьевна, кажется) сказал мне, что Дима очень хотел со мной встретиться, поговорить. Правда, зная, что я сюда в Калининград собираюсь приехать на праздники, сам почему-то отсюда смылся в Ленинград.

— Может, это просто сама Надежда Григорьевна хотела, чтобы я с ним встретился, не знаю. Вспоминаю сейчас, что мы с Сашулей заходили к ним на праздники, попрощаться с Михалычем, уходящим в море, и Надежда Григорьевна пеняла мне, что я не пытаюсь семью наших детей спасти, не воздействую на Диму и Ирину.

— Я сказал ей тогда, что готов с Димой встретиться, вот хотя бы на обратном пути в Мурманск я буду полдня в Ленинграде, пусть встречает меня в аэропорту. Надежда Григорьевна сообщила ему об этом по телефону, а он позвонил мне в Калининград и странным тоном, как-то агрессивно даже спросил меня:

— Александр Андреевич, Вы хотели меня видеть?

— Мне твоя мама сказала, что ты хотел со мной поговорить.

— Да? Ну, что же. Где мы встретимся?

— У меня будет мало времени, так что приезжай прямо в аэропорт. Мы с Ириной вместе прилетаем.

— Хорошо, я приеду. Только я прошу, Александр Андреевич, чтобы Ирина при нашем разговоре не присутствовала.

— Ладно. Тем более, что и она с тобой общаться не жаждет. Я её в Сестрорецк отправлю, мы туда с ней собираемся съездить.

— Мы с Ириной летели в Ленинград утром **13 ноября**, а где-то около полуночи я должен был лететь дальше - в Мурманск, и мы планировали до моего отлёта навестить Бургвицев в Сестрорецке, ещё из Калининграда звонили им об этом, и они нас ждали, причём вместе с Любой и Андрюшкой - оказалось, Люба как раз сейчас в Ленинград приехала Андрюшку, студента своего, проведать.

— Но планам этим осуществиться не довелось. Из-за непогоды самолёт задержался с вылетом на несколько часов, которые мы с Ириной проторчали в Храброво, и в Ленинград мы попали только во второй половине дня.

— Дима, однако, нас дождался и встретил, без радостных улыбок, правда, но их от него и не ожидали. Я пожал его холодную потную ладонь и попросил ещё немного подождать, пока я позвоню в Сестрорецк и Любе.

— Тётю Тамару пришлось огорчить - приехать не сможем, не успеть туда-сюда обернуться, а у меня ещё и с зятем тут встреча намечена. Тётя Тамара очень обиделась:

— Это тебя Любка с толку сбילה, а я тут наготовила на вас на всех, ждём целый день, давайте езжайте немедленно, успеете.

— И как я ни отговаривался, ни объяснялся, тётя Тамара ничего и слушать не хотела.

— Засранцы вы все, - было её сердитое резюме.

— Я подумал - может, отправить к ним одну Ирину, но та хотела с Любой и Андрюшкой повидаться: - В Сестрорецк всегда успею съездить, - и поехала к Розе Мартыновне (Жоркиной маме) на квартиру, где Андрюшка жил. Договорились, что я туда подъеду после того, как с Димой наобщаюсь.

— И вот мы с ним доехали из аэропорта на 39-м автобусе до метро "Московская" и побрели по Московскому проспекту, где-то там присели на лавочке и сидели, пока не окоченели. Отогревались в какой-то кофейне-забегаловке, потом снова шли пешком, пока опять не замёрзли. Затем ехали на метро и троллейбусе и распрощались у дома Розы Мартыновны.

— Разговор поначалу не клеился, потом как-то пошёл. Говорил больше я, излагал всё, что о нём думаю, но в корректной, мягкой даже форме. Суть того, что я говорил ему, сводилась к следующему.

— Дима, ты мнишь себя поэтом или, во всяком случае, причастным к высоким сферам, к духовной жизни, попрекаешь Иринку, что она не разделяет твоих интересов, увлечений. И в этом находишь оправдание тому образу жизни, который ведёшь, - паразитическому, вообще-то говоря, на папины денежки. Не то, что семью - себя содержать сам не можешь. А о высоких материях горазд говорить...

— У тебя какие-то странные пробелы в воспитании, ты простых вещей, похоже, не усвоил. "Не лги", - первая заповедь, дети знают, что врать нехорошо, а ты лапшу на уши всем, кому тебя слушать не лень, вешаешь, и близким людям в первую очередь - родителям, Иринке, ...

— Про любовь с Иринкой дискутируешь, а сам вокруг себя сплошное зло одно творишь своим ближним, разве только Миша исключение, он тебе рад обычно, так часто ли он тебя видит?

— И никакой "духовной деятельностью", "творчеством" нельзя оправдать непорядочность, отступления от нравственных норм. Я тут на эту тему как раз недавно в "Юности" прочёл небольшую работу Владимира Соловьёва о Пушкине, очень понравилась она мне, в которой Соловьёв утверждает, что смерть Пушкина на дуэли была благом для него, справедливой платой за его собственное аморальное поведение в заключительной стадии истории с Дантесом.

— Она смыла с него позор, который ложился на Пушкина за то, что он захотел убить (ведь вызвал же на дуэль) другого человека и, возможно, убил бы его. Даже Пушкину -

или тем более Пушкину - не находится у Соловьёва оправданий для безнравственных поступков.

— Говорил я и о Диминой деятельности в ДС:

— Несерьёзно это, а главное, неинтеллектуально, одни битвы с милицией. Громкие лозунги против КПСС - ради Бога, но это уже не открытие новых истин, скорее - развлечение для толпы и её возбуждение. Это ли нужно?

— Да я отошёл от всего этого, - вяло возразил мне Дима.

— *16 мая 1991 г., Ту-154, Москва-Мурманск*

— Он вообще поначалу молчал и разговорился лишь в кофейне, где вдруг попросил разрешения прочитать мне стих. Свой, разумеется. Прочитал. Ну, всё в том же духе, что я от него и раньше слышал: какое-то претенциозное ритмическое бормотание, не помню уже даже и о чём, с намёками не глубокий смысл, но не для моего ума и сердца. Вот, воистину, - ни уму, ни сердцу.

— Я, однако, от критики воздержался, сославшись на то, что так, со слуха, плохо воспринимаю. Может, если бы он в письменном виде свой опус показал, тогда бы я, может, и смог бы определённо высказаться.

— Потом Дима стал жаловаться, как ему плохо, тяжело, одиноко, что ему в голову часто мысли о самоубийстве приходят, смысла жизни не видит.

— В такой жизни смысл, конечно, трудно разглядеть. Эта твоя депрессия от нездорового образа жизни. Много куришь, да и пьёшь, питаешься кое-как, наверное. Бегать надо, воздухом дышать свежим, работать, в конце концов, физически, а не дурью маяться.

— Нечего тебе здесь, в Ленинграде болтаться, езжай домой под присмотр отца-матери, устраивайся там на работу, хоть поможешь Мишу воспитывать, погуляешь с ним когда. И Ирина от тебя отдохнёт. То, что ты здесь и пристаёшь к ней с выяснениями отношений, да ещё в пьяном виде, только отталкивает её от тебя.

— Я и так уж не очень-то надеюсь, что у вас ещё сложится что-нибудь путное, уж больно много ты всего наворотил. Но хоть не усугубляй дальше. Как-никак, но у вас сын, и ты мне теперь в любом варианте родственник через внука, а потому и не безразличен.

— Я Иринке до сих пор повторяю, что я против развода. И если что-то можно спасти - надо спасать. А для этого тебе, повторяю, лучше не оставаться здесь, а в Калининград уехать.

— Да, Вы правы, Александр Андреевич, я, наверное, так и сделаю, вот только закончу тут свои дела...

— Я уж не стал уточнять, какие у него тут дела, которые закончить надо. И на прощанье Дима сказал мне:

— Александр Андреевич, я об одном только Вас попрошу - попросите Ирину, чтобы она не спешила подавать на развод.

— Это я тебе могу обещать - попрошу и даже буду вообще отговаривать, что, впрочем, я и так регулярно делаю. Но только боюсь, что поздно уже. А ты постарайся моему совету последовать - езжай в Калининград. Если нужно будет чего, звони. Вот номер моего телефона в кабинете, где я живу.

— И мы расстались у дома Розы Мартыновны вовсе даже в тёплых чувствах, с рукопожатием, совсем непохожим на состоявшееся пару часов назад в аэропорту.

— Остаток вечера до отлёта в Мурманск я провёл с Любой, Андрюшкой и Ириной за бутылкой водки, за которой Андрюшка бегал к приятелю в долг взять: Любка обещала позаботиться, да не смогла достать - дефицит!

— Андрюшка возмужал после армии, водку пил на равных, ничуть не хмелея. Поболтали о том, о сём. О Диме Ирина, естественно, говорить не захотела. Говорили о политике. Вот уж где было о чём! Что деется! Берлинская стена рушится!!!

—А через день Дима позвонил мне вечером в Мурманск и горячо благодарил за совет прочитать Соловьёва о Пушкине, он прочитал, и ему очень понравилось.

—А ещё через два дня он опять позвонил и просил написать ободряющее письмо Иринке - она, мол, грустит-тоскует, и ей очень нужна моя поддержка. Я пообещал. И написал письмо дочери, в самом деле устыдившись, что редко очень пишу ей письма, хоть она и просит.

—И больше Дима не звонил.

([продолжение следует](#))

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)